Москва
Большой театр
24-30.8.95

ВАС ЛЮБЛЮ

Жанр театрального анекдота или актерской байки всегда был любим, причем по обе стороны рампы. Раньше эти истории передавались из уст в уста и дальше – по цепочке. Независимо от времени создания они, как правило, увлекательны, ибо приоткрывают завесу тайны, окружающей от века театральный мир, мир подмостков и аромата кулис. А еще – стирают невидимую грань между сценой и партером, всех нас делая участниками жизни-театра, где все мы, по Шекспиру, – актеры.

Известный бас Иван Иванович ПЕТРОВ большую часть своей творческой жизни провел в стенах Большого театра – самого, пожалуй, официального и официозного из отечественных театральных коллективов. Однако и в этом строгом, замкнутом мире случалось много забавного, породившего свой собственный «габтовский» фольклор.

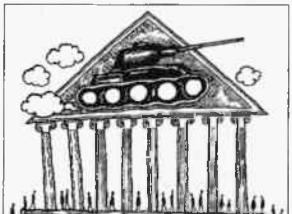
В гримерной Большого: Иван Петров и режиссер Леонид Баратов.

Маленькие курьезы Большого театра

Иван ПЕТРОВ

Непредвиденные события происходят во всех театрах. Не миновали они и наш Большой.

Больше всего не везло «Травиате». Вот что случилось во время войны. Давали «Травиату». Погасили свет, дирижер встал за пульт, и полились нежные звуки скрипки – звучало симфоническое вступление к опере. Вдруг вся публика первых рядов вскочила и выбежала из зала. Спектакль приостановили, дали свет. Выяснилось, что на спектакль пришли фронтовики, которые, по [illegible], были [illegible]. Когда они увидели, что впереди сидят обычные горожане, их это возмутило: «Тыловые крысы спереди, а мы сзади!» Вытащили пистолеты и приказали всем «крысам» немедленно удалиться. Пришлось звать военную комендатуру.



Другой трагикомический случай произошел с моим очень хорошим товарищем и прекрасным артистом Павлом Ивановичем Чекиным. Дело в том, что по замыслу художника на третьем плане сцены были сделаны две большие ступени, за которыми располагалась осветительная аппаратура, подсвечивающая декорации. В сцене ссоры с Виолеттой Чекин воскликнул: «Все сюда!», сделал несколько резких движений, отступил, зацепился за эти ступени и, так как стоял к ним спиной, полетел вниз головой, да еще локтем попал в какой-то осветительный прибор. Раздался страшный треск, напоминавший выстрел из ружья, а затем зрители увидели торчащие из-за ступенек ноги в лаковых ботинках сорок шестого размера... Чекин застрял между прожекторами и не мог сам подняться. Все, пережив сначала некоторый испуг, начали смеяться, и пришлось закрыть занавес. За кулисы пришел дирижер и спрашивает:

– С чего начнем?

– Давайте с хоровой реплики.

Снова открыли занавес, и хор запел: «Что случилось?»

Как только он произнес эти две фразы, опять раздался гомерический хохот.

Помню и другой случай, драматический. Во время войны Валерия Владимировна Барсова пела Виолетту. Ее голос звучал блестяще, но она была уже в годах и очень полная. В третьем акте, умирая от чахотки, Виолетта произносит грустно: «Должна писать Альфреду». И вдруг во время соло гобоя, которое звучит на пианиссимо, кто-то с галерки ей крикнул: «Ты жива еще, моя старушка?»

Барсова обомлела. Вся публика в зале ахнула, но потом раздался страшный хохот. Валерия Владимировна нашла в себе силы и мужество, чтобы закончить сцену, а потом разрыдалась. Она решила, что это ее последний спектакль «Травиаты», и больше в этой роли не выступала. Вообще-то, каждый актер должен вовремя отказаться от каких-то ролей, а может быть, и уйти со сцены.

Забавная история произошла как-то во время утреннего спектакля «Снегурочки». В последнем акте Снегурочка сидит на пеньке и поет свою заключительную арию. А за сценой в это время дежурили, как обычно, два пожарных, которые почему-то решили, что идет репетиция. Один из них так увлекся, что вышел на сцену и стал рядом со Снегурочкой. Публика начала смеяться. Прибежал за кулисы администратор и стал оттуда шептать ему: «Уйди со сцены, ты что, обалдел? Ведь спектакль же!»

И тут пожарный все понял; растерявшись, он вместо того, чтобы сделать шаг назад, огромными шагами побежал в противоположную сторону, пересек всю сцену, чем вызвал взрыв еще большего веселья.

В «Садко» Сергей Александрович Красовский исполнял партию Морского царя. В сцене у Ильмень-озера, где из морских глубин появляются лебедушки, он вышел из «пучины», чтобы повелеть всем вернуться назад: «Пора вам в омуты глубокие из-под небесных высот». Спел эту фразу, но механизм, который поднимал его над волнами, отказал, и Красовский остался на сцене. Голованов, дирижировавший спектаклем, стал знаками требовать его исчезновения. Красовский растерянно показывая, что он ни при чем, сделал Голованову, не мешая, показал певцу кулак. Тогда Морской царь – Красовский слез с площадки и [illegible] полез за кулисы. В партере этого не было видно, но со всех высоких ярусов публика наблюдала за его манипуляциями и очень веселилась.

* * *

Помню, ставили «Иоланту», дирижировал Самосуд, и тенор Леганцев все просил Самосуда, чтобы тот дал ему что-нибудь спеть в этой опере.

– Ну что я вам могу дать? Ну нету для вас партии в «Иоланте», – отвечал Самуил Абрамович.

Но Леганцев так приставал к Самосуду, что тот сказал:

– Хорошо, пойдите в оперную канцелярию и скажите, что я вам дал партию Рауля.

Счастливый Леганцев прибежал в канцелярию и говорит ее заведующему:

– Василий Иванович! Самуил Абрамович дал мне партию в «Иоланте».

– Какую-с?

– Партию Рауля.

– Как-как?

– Партию Рауля!

Тогда Василий Иванович обратился к сотруднице:

– Милочка, дайте, пожалуйста, клавир «Иоланты»... Так, давайте посмотрим... Где же здесь Рауль? Ага, вот. Что же тут про него говорится? [illegible]

[illegible]

– Самуил Абрамович! Как я пел?

Тогда Самосуд с присущим ему юмором неожиданно ответил:

– Дорогой мой, вы меня чуть не сбили!

[illegible]

[illegible]

ную фразу, он неожиданно сделал несколько киксов. В паузе Штейман сказал: «Крахмальные манишки ноты не берут». Это выражение вошло у нас в поговорку.

...В «Русалке» партию Княгини исполняла Фаина Сергеевна Петрова, очень музыкальная певица, которая хорошо играла на фортепиано. Фаина Сергеевна рассказала мне, что когда она учит партию, играет подряд весь клавир и поет за всех певцов, поэтому знает оперу наизусть. И вот в самом последнем акте, на берегу Днепра, когда княгиня появляется, чтобы уличить Князя в измене, Князь должен спеть ей фразу «Зачем вы здесь?» А она вдруг произнесла эту фразу сама. В. Лапшин, который пел Князя, оторопел от изумления, но быстро нашелся и спросил: «А вы зачем?»

Когда мы репетировали Фауста, была придумана такая мизансцена: Мефистофель подходит к бочонку с вином и приказывает: «Эй ты, божок, вина дай!» Он делает жест в сторону бочки, и из нее начинает струиться вино. У нас было сделано так: все гуляющие сидели за столом. Мефистофель проводил шпагой по столу (там были сделаны соответствующие контакты), из стола вылетали сильные искры, и начинал бить фонтанчик с вином. Мефистофель произносил: «Идите все, и пейте на здоровье, господа». Но однажды Пирогов выхватил шпагу, сделал сильное движение по столу и, видимо, согнул сосочек, из которого должно было бить вино. Сильная струя попала ему прямо в рот. Он стал кашлять и отплевываться, потому что попало в рот не вино, а вода и, может быть, не очень чистая. Пирогов не выдержал, начал смеяться, и все вокруг, конечно, тоже...

В балете «Барышня-крестьянка» главного героя танцевал Владимир Преображенский, очень красивый и хороший артист. В этом балете есть сцена, где он с девушками играет в жмурки. Но они перестарались и завязали ему глаза так, что он, как ни старался приподнять повязку, не смог этого сделать. Ничего не видя, он побежал за ними и рыбкой полетел в оркестр. Оркестранты даже уронили из рук инструменты. Но не успели все прийти в себя от страха, как Преображенский вскочил обратно на сцену и продолжал танцевать, как ни в чем не бывало.

Был в Большом театре очень хороший певец, высокий бас Анатолий Садомов. Правда, при мне он уже не пел, но до войны я слушал его в спектаклях. Он сильно заикался, однако в пении это совсем не чувствовалось. Однажды Самосуд решил попробовать Садомова в «Севильском цирюльнике» в партии Дона Базилио. Ему пришла идея попросить Садомова заикаться в речитативах, а арию петь без заикания. Попробовали – все получилось замечательно. На всех речитативах Садомов здорово заикался, это было очень смешно. И вот на премьере Садомов вышел и в волнении все речитативы спел без единого заикания. [illegible]

кие характерные партии, как, например, Малюту в «Царской невесте». Но часто Сердюков путал слова и путал так, что все актеры и публика не могли сдержать смеха. Однажды он вышел и спел: «Григорий, где же крестница твоя-моя?» Потом, обращаясь к опричникам, объявил: «Любовница Грязного. Мы из Каширы увезли ее. Коса, как искры, и глаза до пяток».

Я думаю, что артисты, участники этих забавных историй, а также их друзья, родственники и поклонники не обидятся: ведь и со мною случалось то же самое.

Вспоминаю концерт солистов Большого театра в санатории «Архангельское». Когда я закончил первый куплет романса Глинки «Сомнение» словами «Я стражду, я плачу, не выплакать горя в слезах», я понял, к своему ужасу, что забыл слова второго куплета. И так как из-за беспрерывного течения музыки я не мог остановиться и начать вспоминать, то стал варьировать предыдущую фразу: «Я стражду, я плачу, я плачу, я стражду, я плачу, я плачу, я стражду» и т.д. В конце концов не без помощи концертмейстера я кое-как вспомнил текст и довел романс до конца. За кулисами меня встретили дружным хохотом мои коллеги, а заместитель директора Большого театра Сергей Владимирович Шашкин спросил меня, лукаво улыбнувшись: «Иван Иванович! Кто это для вас сделал такой текст «Сомнения»?

Прекрасный исполнитель всех теноровых партий Соломон Маркович Хромченко, случалось, как и все мы, грешные, тоже забывал слова. Тогда он начинал по ходу действия сочинять свой текст. В «Травиате», во время ссоры Альфреда с Виолеттой, после слов Жермона: [illegible]

* * *

[illegible]

Записала Алиса КУРЦМАН
Рисунки Виктора КОВАЛЯ
Фото Л. ЖДАНОВА

Главный редактор номера Андрей ЛИПСКИЙ
Автор дизайн-макета Аркадий ТРОЯНКЕР
Технический редактор Наталья НЕМТЫРЕВА
Ответственный секретарь Юрий ПАТРИН
Художественный редактор Владимир БАБИЧ
Зав. корректурой Светлана КАРТАШЕВА

ОБЩАЯ ГАЗЕТА

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения Людмила ЛИР Тел.: 915-53-89
Отдел рекламы Галина ИЛЬЧЕНКО Тел.: 915-70-40, 915-26-19. Факс: 915-26-06
Производственно-издательский отдел Ирина СОВКОВА Тел.: 915-75-81
Цена свободная

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское бюро «Барщевский и партнеры».
Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 23.08.95 г. Заказ 13887. Тираж 100000 экз.